

ВЛАДИМИР НИКИФОРОВИЧ СТАНКО И РАЗВИТИЕ ЭТНОЛОГИИ В ОДЕССЕ

Владимир Никифорович Станко (1937-2008) – всемирно известный археолог и историк первобытного общества. Значительное место в его научных интересах занимала также этнология. Он сыграл большую роль в ее организации на юге Украины. Поэтому, вспоминая замечательного ученого и человека, нельзя обойти вниманием и его вклад в этнологическую науку. Мне довелось стать первым этнологом, путь в науку которого непосредственно связан с Владимиром Никифоровичем Станко, на протяжении двух десятилетий общаться с ним, а также, опираясь непосредственно на его информацию, при жизни ученого, писать его биографию¹, что позволяет в основных чертах определить вклад В. Н. Станко в эту науку и попытаться проследить эволюцию его личности в этой ипостаси.

Истоки интереса В. Н. Станко к науке о народах были заложены в самом его происхождении. Владимир Никифорович родился в сельской болгарской семье. Он – потомок болгарских колонистов, бежавших в начале XIX в. из Юго-Восточной Болгарии (Фракии), входившей в состав Османской империи, в Россию от зверств разбойников-кырджалей, которые, как отмечали очевидцы, «грабят и жестоко мучают православный народ, например, поджигают, и сгорают не только жилища, но и сами люди»². Эти переселенцы, прибывшие морским путем, получили от российского правительства земли и основали в Северном Причерноморье несколько крупных сел. В Херсонской губернии: Малый (1801) и Большой Буялык (1802) (совр. Свердлово и Благоево соответственно), Кубанку (1803), Катаржино (Червонознаменка) (1806), Ингулку (1802, позднее упраздненную), Парканы (1804) и Терновку (1802) – родное село В. Н. Станко. В Таврической (в Крыму): Старый Крым (1802), Балта Чокрак (1802), Кишлав (1803)³.

Группе болгар, основавших Терновку, земля была предоставлена неподалеку от очень молодого тогда города Николаев, при впадении речки Терновки в реку Ингул, близ впадения последней в Южный Буг. Впоследствии село территориально слилось с разросшимся городом, и уже при жизни В. Н. Станко административно было включено в центральный район Николаева, хотя и сохраняло (и сохраняет до сих пор) частную одноэтажную застройку. Таким образом, Владимир Никифорович родился, по сути, одновременно и в селе, и в городе.

С. И. Цветко, ссылаясь на Н. С. Державина, упоминает 1803 год как год основания села⁴, однако архивные данные со всей очевидностью свидетельствуют о том, что Терновка была заселена болгарами уже в 1802 г.⁵ Согласно им, в этом году здесь поселилось 33 семьи, состоящие из 107 человек, в следующем, 1803 г. – 35 семей, 109 человек, в 1804 г. – 21 семья, 65 человек, в 1805 г. – 1 человек, в 1807 г. – 2 семьи, 5 человек, в 1811 г. – 1 семья, 7 человек, после чего переселение сюда болгар завершилось⁶.

Первоначально население Терновки не было чисто болгарским. По информации С. И. Цветко, опиравшегося на «утверждения старых людей», терновцы, кроме болгар, изначально включали в свой состав много греков, о чем свидетельствуют фамилии селян (например, Яни, Скарлат, Стамат, Мавродий), многолюдные семьи цыган (носители фамилий Желяско и Георгиевы) и семью турецкого происхождения – Коч. По его приблизительным подсчетам, около 40 % терновцев – неславянского происхождения, так как одних только Яни и Скарлатов в селе было не меньше 10 %⁷. Действительно, в болгарских (в том числе, как увидим, и в самой Терновке), как и в неболгарских селах, кузнецами зачастую были цыгане, откуда и могло возникнуть прозвище Желяско – от болг. *желязо* «железо». Впрочем, имеется и болгарское благопожелательное личное имя Желяз – «чтобы был крепким, стойким, как железо», которое, возможно, является калькой широко

распространенного тюркского имени *Демир / Темир* (ср. с рус. *Тимур*), имеющего то же значение. Фамилия *Коч* – из тюрк. *коч* «баран-производитель», это слово, однако, широко проникло в болгарские диалекты и также прямо не может свидетельствовать о тюркском происхождении носителей такого имени. По материнской линии В. Н. Станко принадлежал к роду Яни, таким образом, имел и греческие корни, что также сыграло в дальнейшем, как увидим, определенную роль в его этнографических интересах.

Впрочем, как бы то ни было, все терновцы неболгарского происхождения были ассимилированы в болгарской этнической среде села, в котором до наших дней стойко сохраняется родной язык и элементы традиционной культуры. Еще в 1920-х годах из общей численности в 800 семей в селе было только 2-3 семьи украинцев и 2 семьи цыган-кузнецов, все остальные считали себя болгарами. Даже русские женщины и, особенно, украинки, попадая в Терновку через замужество, быстро ассимилировались, осваивая болгарский язык, а их дети осознавали себя болгарами⁸. В настоящее время этнический состав поселка уже смешанный, но продолжают доминировать болгары.

Таким образом, Владимир Никифорович с самого детства, с одной стороны, воспитывался в традиционной болгарской этнической среде, его родным (материнским) был болгарский язык. С другой стороны, он уже со школьных лет не мог не ощущать различия своей культуры от других окружающих его культур – русской и украинской. А это своеобразие не могло не стать предметом анализа пытливого ума будущего ученого и не вызвать необходимости своей оценки, определения своего отношения к этому. В какой-то мере, любой человек, тем более обладающий незаурядным интеллектом и высокой эмоциональностью, выросший в полиэтнической и поликультурной среде, изначально предрасположен к этнологической наблюдательности. Это подкреплялось чувством национальной ущемленности и своей неполноправности. Не секрет, что в Советском Союзе, несмотря на интернационалистскую риторику, проявления национальной неприязни на бытовом уровне, а подчас и в государственной политике не были редкостью. Так, В. Н. Станко в частных беседах неоднократно упоминал тот факт, что болгар долгое время не брали в армию (как считается, в связи с тем, что Болгария была союзником фашистской Германии), что тогда воспринималось как несправедливость, ограничение законных прав.

Чувство неполноценности, связанное с принадлежностью к национальному меньшинству, компенсировалось стремлением достичь личных высот, тем самым доказать высокий культурный статус своих предков, своего народа (известно, что достижения лиц, принадлежащих к меньшинству, зачастую выше, чем у их сограждан «титального», мажоритарного этноса). С другой стороны, это формировало необходимую для этнолога привычку постоянного сопоставления, сравнительного анализа своей культуры, своих обычаев с культурой и обычаями окружающих народов и стремление к объяснению имеющихся различий. О том, что подобная психологическая составляющая имела место у В. Н. Станко, свидетельствует тот факт, что в первые годы нашего общения (конец 1980-х годов) было заметно – Владимир Никифорович, со свойственным ему определенным конформизмом, скрывает или, по крайней мере, не афиширует своей этнической принадлежности и лишь несколько позднее, когда ценность любви и стремления к сохранению и возрождению своей национальной культуры, даже не являющейся мажоритарной, на Украине завоевала свои права, он активно включился в процесс национального возрождения болгар диаспоры и стал всячески подчеркивать свою «болгарскость».

Здесь следует прояснить еще один вопрос, связанный с этническим самосознанием В. Н. Станко. Многие знают, что он какое-то время считал себя даже не болгаринем, а македонцем. Это не соответствует действительности, но определенные основания для таких его представлений все же были.

Как мне удалось выяснить в ходе научных разысканий, в общем были правы советские лингвисты, относившие болгар Терновки к фракийской группе болгарского народа, переселившейся в Россию из Юго-Восточной Болгарии⁹. Это же утверждал и вышеупомянутый С. И. Цветко¹⁰. Однако, болгары Терновки, как и некоторых других переселенческих сел – Кубанки, Червонознаменки (Катаржино), относятся к особой группе фракийцев горной области Странджи, известной в Болгарии под названием «тронки» или «ненастоящие загорцы», резко отличающейся своими особенностями от основного населения этой области – «рупцев». Особенности тронков, первоначально расселившихся, прежде всего, в больших старинных селах Факия, Воден и Горна поляна, а затем основавших ряд дочерних сел в этом районе, определяются тем, что они являются выходцами из Юго-Западной Болгарии и Македонии. До сих пор у представителей этой группы сохраняются некоторые особенности культуры, языка и самосознание, связывающие их с прародиной¹¹.

Некоторые из этих особенностей, как нам удалось выяснить, сберегают и украинские тронки (хотя сам этот субэтноним, насколько нам известно, на Украине забылся), например, частица, образующая будущее время «ке», вместо «ште», «же» и др. у других групп болгар¹², лексемы «лелин» «муж сестры отца и сестры матери», «штерка» вместо общеполгарского «даштеря» «дочь»¹³ и др. Вместе с тем, переселенцы с запада прожили перед уходом в Россию среди фракийцев порядка двухсот лет (есть сведения о том, что их переселение относится к концу XVI в.¹⁴), смешанные браки, бытовые контакты привели к известной ассимиляции, в том числе языковой, этой группы, так что их следует считать уже фракийцами, но со значительным западноболгарским субстратом или, возможно, западными болгарам, значительно ассимилированными во фракийской этнолингвистической среде.

В советской этнографии существовала тенденция отождествлять юго-западных болгар-шопов с соседствующими с ними с запада македонцами. В Болгарии, напротив, не признается существование особого македонского этноса, их считают частью болгарского народа, обособленного в результате международных интриг¹⁵. С нашей точки зрения, у славянских народов существует такое явление, как этнолингвистическая непрерывность, в которой различия между этническими группами есть функция расстояния между ними, например, македонцы в этнолингвистическом отношении примерно одинаково близки и к западным своим соседям – восточным сербам, и к восточным – западным болгарам-шопам, шопы, в свою очередь, занимают переходное положение между македонцами и восточными болгарам и т. д. Процессы же формирования этнического (национального) самосознания связаны не только, а иногда и не столько с объективными особенностями этнических групп, сколько с обстоятельствами их исторического развития – вхождением в состав тех или иных государств, деятельностью элит и т. п.

Что касается тронков, то в их составе большинство было шопов, о чем, в частности, свидетельствует соответствия названий некоторых из их основных сел – Факии (старое название – Сланик) и Желязково (Казыклисе) в Кюстендильском крае¹⁶, но имелись и семьи собственно македонцев из Охридского и Корчанского края¹⁷.

Конечно в том, что В. Н. Станко считал себя македонцем, сыграло свою роль его романтическое умянастроение, но, вместе с тем, вероятно, в памяти терновцев сохранялись какие-то, если не древние легенды, то глухие воспоминания об их происхождении. И это – через 400 лет после переселения их предков с запада Балканского полуострова! Впоследствии я ознакомил В. Н. Станко с данными сведениями, он признал их достоверность и, во всяком случае, при мне больше македонцем себя не называл.

Другой стороной мировоззрения, имманентной для этнолога, является любовь к традиционной народной культуре, восприятие ее как ценности, которую необходимо сохранить и передать последующим поколениям. В биографии В. Н. Станко эти качества

выработались в связи с тем, что у болгар, как известно, семья и родственные связи являются основными, терминальными ценностями, а также стойко сохраняются патриархальные бытовые нормы, такие как главенство мужа, более высокое положение в обществе мужчин, уважение и подчинение младших старшим, доминирование коллективистских ценностей над индивидуалистическими и т. д.¹⁸

Таким образом, этнические ценности болгар, сформированные у В. Н. Станко в семье и в среде односельчан, во многом совпадали с ценностями, необходимыми для ученого-этнолога. Нельзя сказать, что эти ценности – исключительное достояние болгар, но можно заметить, что большое число талантливых этнологов и этнологические (точнее – этнографические) школы более характерны для тех народов, которые в большей степени сохранили патриархальную бытовую культуру и, соответственно, в меньшей степени подвергнуты унифицирующему воздействию урбанистической цивилизации.

Конечно, за годы своей активной жизни Владимир Никифорович значительно оторвался и географически, и психологически от родной этнокультурной среды. Но реабилитация ценностей этнических культур в обществе, а также стремление обрести мировоззренческие ориентиры, которые пошатнулись после краха коммунистической идеологии (В. Н. Станко не был по своим убеждениям ни коммунистом, ни антикоммунистом, но для большинства людей в стабильном, консервативном советском обществе, проблемы идеологического выбора, мировоззренческих установок не стояли остро, не было жизненной необходимости вырабатывать свою позицию по острым проблемам развития общества, тем более переживающего катастрофические трансформации, что в полной мере проявилось уже с начала 1990-х годов; вопреки стереотипам, гражданское общество в Советском Союзе, в противоположность официозу, являлось деидеологизированным), повернули уже зрелого ученого к своим корням. Вероятно, не последнюю роль в возрождении и развитии этнической составляющей самосознания В. Н. Станко сыграло и его общение со мной, так как для меня с молодости среди основных мировоззренческих установок имелось убеждение в первостепенном значении ценности инаковости, своеобразия в комплексе с опорой на традицию.

Такая реконструкция культурно-психологических причин обращения В. Н. Станко к этнологии подтверждается рядом фактов. Во-первых, ученый, как будет видно ниже, первоначально начал возрождение в Одессе именно изучения этнографии болгар, а не вообще этнографии. Этнологические проблемы, касающиеся других народов, в стенах Одесского университета начали изучаться несколько позже, под влиянием вновь возникших обстоятельств. Во-вторых, первой проблемой, заинтересовавшей его в этнографии болгар, стало изучение системы родства и семейно-родственной организации этого народа, то есть того, что, с одной стороны, отличает болгар Украины от окружающих народов, а с другой то, что было воспитано во Владимире Никифоровиче с детства и воспринималось им не только с интеллектуальной, но и с эмоционально-ценностной стороны. Наконец, об этой составляющей своего внимания к этнологии прямо говорил и сам В. Н. Станко.

Владимир Никифорович подчеркивал, что его двоюродный дед – Сергей Ильич Цветко (1884-?) – был выдающимся болгарским этнографом, который основал этнографию в Одессе, но был репрессирован, и это направление в науке здесь не получило развития, он же ставит своей целью продолжить дело своего родственника и возродить этнографию и изучение культуры болгар на юге Украины. В. Н. Станко передал мне все имеющиеся у него материалы, касающиеся жизни и творчества С. И. Цветко, и предложил написать статью о нем, что и было вскоре сделано¹⁹. В связи с этим, он через родственников разыскал и связался с сыном С. И. Цветко – Александром Цветко (которого до этого лично не знал, считая, что все дети Сергея Ильича умерли в детстве), который про-

живає нині в Санкт-Петербурзі і який доповнив існуючу у нас інформацію рядом цінних свідчень і фотографіями досліджувача.

Мною також були розшукані в архіві Інституту мистецтвознавства, фольклористики і етнології ім. М. Ф. Рильського (г. Київ), в якому я учився в аспірантурі, і ксерокопировані деякі важливі неопубліковані рукописи С. І. Цветко, передані мною В. Н. Станко, а також проведена робота по виявленню інших невідомих його досліджень. Основна з них – «Болгарські народні пісні України і Криму» внаслідок була опублікована в Болгарії²⁰. Її складальник і автор замітки, наведеної в додатку – Зоя Барболова, на жаль, не тільки не вказала той шлях, з допомогою якого у неї опинилася ця рукопис, не вважала потрібним сослатися на джерело її замітки про життя і творчість С. І. Цветко – місцями слово в слово переписаної з моєї вищезгадуваної статті, але і рукопис була дуже неточно перекладена з українського на болгарський²¹.

Дійсно, Сергій Ільич Цветко і Володимир Никифорович Станко, будучи боковими кровними родичами, мали спільних предків, багато з яких були видатними зберігачами і передавачами народної фольклорної традиції.

Виходячи з генеалогічного дерева, складеного особисто В. Н. Станко (див. рис. 1), і робіт С. І. Цветко, знаємо, що одним з їх спільних предків була Єлена Коч (1812-1897). В позначеному болгарському перекладі помилково: померла в 1897 р. на 87 році (с. 15), у С. І. Цветко: «...Єлени Коч (померла 1897 року – 85 років)»²². Про неї Сергій Ільич пише: «Цікаво мені було встановити, від кого мати вивчила ці пісні, – але це важко. Багато з цих пісень дісталися їй в спадщину від її матері баби Єлени Коч (померла 1897 року – 85 років)»²³.

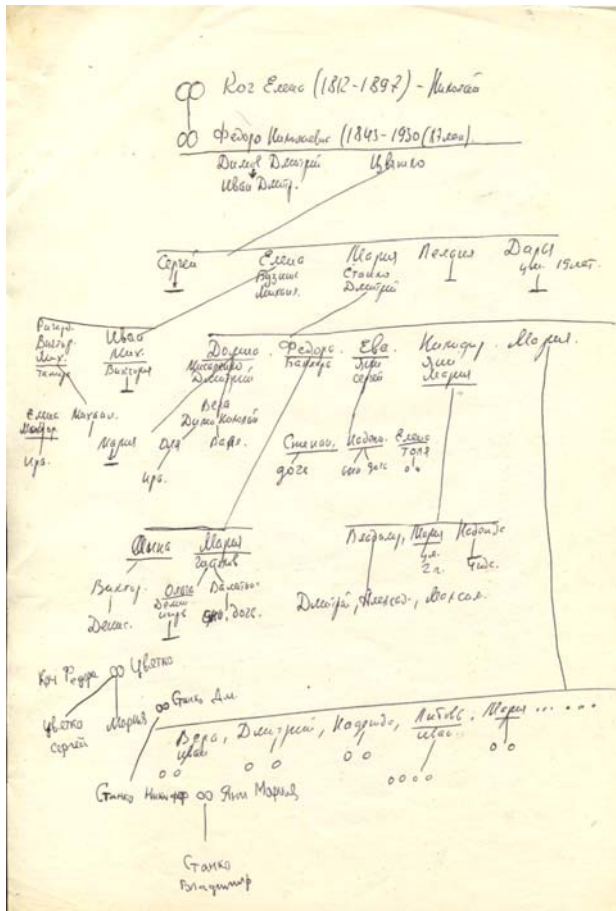

Рис. 1. Генеалогическое древо Владимира Никифоровича Станко

Дочерью Елены и Николая Коч была Федора Николаевна (1843-?) – мать Сергея Ильича и мать матери отца В. Н. Станко – Марии. Федора Николаевна была выдающимся хранителем и исполнителем народных песен. Значительную часть песен болгар с Терновка С. И. Цветко записал именно у нее. О ней он писал: «Не зважаючи на свої 87 років мати наша має ще дуже добру пам'ять і переважна більшість всіх цих пісень записано з її слів, що ж до всіх пісень записаних від брата і сестер, то все ж остаточна редакція належить матері. Їй важко в певному порядку перелічити всі пісні, які їй були відомі ще з дівочих років, але досить нагадати їй початок або середину пісні, як вся пісня впливає в неї в пам'яті і вона без зупинки проспівує її старечим шепотом, або проказує до кінця. До моїх записів мати відноситься дуже поважно і для кожного з моїх приїздів вона заготовляла в своїй пам'яті 10-15 пісень... Всі її пісні в доброму стані щодо лексики й техніки, лише в деяких з них помітні впливи пізнішої говірки (суто тернівської), незакінченість і деяка туманність змісту... але ж це виняткове явище. Чітко окреслений зміст,

чистота стилю, особливо пісень «на хоро» свідчать про надзвичайну цілість в збережені традиційних форм творчості... Гадаю, що вона була не абиякою співачкою, бо коли звертався за пісенним матеріалом до своїх односельчан, то вони звичайно відсилали мене до моєї ж матері: вона, мовляв, багато пісень знає»²⁴.

Первым браком Федора Николаевна сочеталась с Дмитрием Димовым, от которой у нее родился сын Иван, вторым – с Ильей Цветко, от которого родилось пятеро детей – Сергей, Елена (в замужестве – Бузник), Мария (Станко), Пелагея и Дарья (умерла в 19 лет). Свои качества хранительницы народных традиций она передала детям. По словам С. И. Цветко, старший сын Иван Димов усвоил от матери больше всего песен, Сергей Ильич также записывал песни у всех оставшихся в живых трех своих сестер. Умершая же в молодости Дарья больше других обладала певческим даром: «Не зважаючи на те, що вмерла надто молодою, вона залишила по собі серед наших родичів і сусідів спогади, як про чудову співачку. Пригадую, що коли я з нею ще дівчиною 10-12 років працював на городі і вона співала, селяни сусідніх українських сел: Матвіївки і Баловної, ідучи з города проз наш город часто зупиняли коні і довго стояли на шляху, слухаючи її співів. Траплялось, що якась тітка розчулена її співом, зіскакувала з фургона і приносила нам гостинця»²⁵.

Следует отметить, что выдающихся успехов в науке добились также дети сестры Сергея Ильича – Елены, вышедшей замуж за Михаила Бузника. Один из них – профессор, доктор технических наук, член-корреспондент НАН Украины Виктор Михайлович Бузник, другой – доктор медицинских наук, профессор Высшей военно-медицинской Академии в Санкт-Петербурге Иван Михайлович Бузник.

Другая его сестра – Мария – вышла замуж за Дмитрия Станко. У них было пятеро детей: Домна, Федора, Ева, Мария и Никифор. Никифор Дмитриевич Станко, женившись на Марии Яни, и стал отцом Владимира Никифоровича. Следовательно, В. Н. Станко был не племянником, сыном сестры С. И. Цветко, как ошибочно указано у Барболовой З. (с. 150), а его внучатым племянником, другими словами Сергей Ильич – неродной дед (брат бабки) Владимира Никифоровича.

Таким образом, собственная этническая среда, традиции, передававшиеся в роду В. Н. Станко из поколения в поколение, безусловно, способствовали формированию его интереса к этнологии. Конечно, он с детства знал о своем двоюродном деде и его деятельности, но С. И. Цветко был арестован (1946 г.) и, вероятно, вскоре погиб, когда Владимиру Никифоровичу было только 9 лет, так что вряд ли имело место непосредственное влияние Сергея Ильича на будущего историка.

О трагически сложившейся жизни С. И. Цветко известно немного, его исследовательская работа также изучена недостаточно²⁶. Отметим главное. Сергей Ильич родился в 1884 г. в Терновке. В 1905 г. окончил с медалью Николаевскую Александровскую гимназию, после чего поступил в Новороссийский университет, где три месяца учился на медицинском факультете, а затем перевелся на историко-филологический факультет, который и завершил в 1910 г.

Во время Первой мировой войны будущий ученый служил подпоручиком в царской армии, но попал в плен, в котором провел 4 года. После окончания гражданской войны работал преподавателем истории, географии и украинского языка в школах Елисаветграда, Ольвиополя (Первомайска) и Николаева.

В 1921 г., после женитьбы, С. И. Цветко переехал в Одессу, где, работая преподавателем истории, украинского языка и литературы в Одесском сельскохозяйственном институте и других высших учебных заведениях, активно включился в работу по культурному возрождению болгар Украины в рамках проводившейся тогда политики коренизации.

В 1920-е годы Цветко С. И. собирает коллекцию болгарской народной одежды, которая впоследствии будет включена в экспозицию музея «Степная Украина», записывает десятки народных песен и образцов других жанров фольклора у болгар Украины, активно сотрудничает в Одесской комиссии краеведения, Кабинете национальных меньшинств при Этнографической комиссии Всеукраинской академии наук (с 1929 г.), в различных изданиях публикует свои исследования.

В 1933 г. С. И. Цветко был арестован и отправлен в ссылку по делу «Союза вольной Украины». После возвращения он работает директором Николаевского краеведческого музея, директором Терновской начальной школы, инспектором областного отдела народного образования, от активной научной деятельности в этот период жизни он отходит. В 1946 г. С. И. Цветко был вторично арестован, дальнейшая его судьба неизвестна. По всей видимости, учитывая тяжелое состояние здоровья во время ареста (язва желудка в открытой форме), он вскоре скончался. Место захоронения и обстоятельства смерти остаются неизвестными.

Главный вклад внес С. И. Цветко в болгарскую фольклористику, собрав и проанализировав сотни песен и образцов других жанров устного народного творчества болгар Украины и Крыма. Им были собраны и частично опубликованы богатырские и гайдукские²⁷, а также свадебные²⁸ песни родного села, собран фольклор посиделок и помочей²⁹, магические заговоры против болезней³⁰, а наиболее объемное собрание песен болгар Благоево, Терновки и Крыма (Кишлав, Старый Крым, Сарабуз и Коктебель) сохранилось только в рукописи, как уже было сказано, опубликованной только в 2005 г.³¹ Одна из его статей посвящена происхождению и развитию образа крылатого змея в болгарском фольклоре³².

Уже в этих исследованиях Сергей Ильич ставит и чисто этнологические проблемы: происхождение и этнический состав болгар Украины, их субэтническое разнообразие, условия этнокультурного развития и этнические связи, свадебная обрядность, формы досуга, народные представления о болезнях и способах их лечения и др.

Сугубо этнологической тематике посвящены работы С. И. Цветко по свадебной обрядности³³, обрядности, связанной со сбором урожая³⁴, ткачеству³⁵, истории изучения болгарской диаспоры³⁶. Упоминается его работы по изучению «обрядов и песен, связанных с севооборотом» и «села и дома болгарских в степной Украине». Барболова З. почему-то считает эти темы публикациями С. И. Цветко (с. 149), хотя известно лишь то, что в отчете этнографически-диалектологической секции Одесской комиссии краеведения за 1924-1925 г. отмечается: «секция имеет вот такие сведения об индивидуальной работе своих членов», где по алфавиту приводятся инициалы и фамилия Цветко и указанные выше названия³⁷. Возможно, что это были доклады, возможно, только собранные полевые материалы – остается неизвестным. Известно также, что он собирал в родном селе «старую болгарскую одежду» и делал на комиссии доклад «Болгарская свадьба в с. Терновка»³⁸.

Таким образом, безусловно, что С. И. Цветко за очень короткий срок (с первой до последней его публикации прошло всего 8 лет) собрал, частично опубликовал и проанализировал богатый материал по культурному наследию болгар Украины. К сожалению, вернуться после ссылки к научному творчеству он не смог или, во всяком случае, о его исследованиях после 1932 г. ничего не известно. Его творчество – очень важный вклад в исследование этнографии болгар украинской диаспоры, которое возобновилось только после Великой отечественной войны³⁹.

Однако не только создать школу, но и логически завершить свои работы в некоем обобщающем труде С. И. Цветко не смог. Его работы по этнографии болгар были преданы забвению и фактически оставались неизвестными специалистам до 1990-х годов (несколько лучше сложилась судьба его фольклористического наследия). Даже процесс

публикации и введения в научный оборот исследований Сергея Ильича только начался и требует большой дальнейшей работы. Поэтому вряд ли можно говорить о «продолжении» или «возрождении» этнографической школы С. И. Цветко в конце XX в. Тем не менее, нельзя отрицать и того, что творчество деда повлияло на желание внучатого племянника восстановить память о нем и возродить его дело.

Были и объективные причины возникновения инфраструктуры этнологии в Одессе, в формировании которой исключительную роль сыграл Владимир Никифорович. Их можно разделить на внутринаучные и общественно-политические.

Среди внутринаучных причин: особенности развития этнографии в Советском Союзе – связь с проблематикой истории первобытного общества и археологии, а также ее крайняя централизация и практическое отсутствие региональных этнологических центров и школ.

В марксистском обществоведении, базирующемся на формационной теории, особое внимание уделялось проблемам истории первобытного общества. Несмотря на то, что первобытнообщинная формация, по этой схеме, – начальный и самый примитивный этап эволюции общества, в нем существовали такие явления (первобытный коллективизм), к которым необходимо вернуться на новом витке развития, отрицая ценности и институты классового общества, соответственно, в этом – значение в изучении «опыта» начального этапа истории. С другой стороны, данные первобытной истории должны были показать, что классовые институты были не изначальными, а значит и не являются вечными. Кроме того, стояла практическая задача «перевода» ряда отставших народов СССР и других идеологически близких государств из «первобытности» в социализм, минуя капиталистическую стадию развития.

«Тремя источниками и тремя составными частями» истории первобытного общества считались археология первобытности, этнография и физическая антропология. Таким образом, представитель любой из этих дисциплин на высоком уровне обобщения должен был выходить на проблематику истории первобытного общества, а с другой стороны, быть знакомым с методами и парадигмой смежных дисциплин. Ряд проблем науки воспринимались как особо актуальные одновременно для истории первобытного общества, этнографии и археологии. Так, С. А. Токарев среди основных задач этнографии проблематику, непосредственно связанную с праисторией – «проблема изучения общинно-родового строя», поставил на третье место (из шести). Он писал: «Эта древнейшая эпоха отчасти может быть изучена по археологическим раскопкам; но они дают нам мертвые, немые вещи, по которым можно в известной мере судить только о технике, об искусстве, отчасти о формах хозяйства, о постройках и других сторонах материальной культуры. Об общественном же быте первобытной эпохи все, что мы знаем, мы знаем почти исключительно из этнографического материала, т. е. изучения форм общественного строя, сохранившихся у современных, сравнительно отсталых народов. Материнский род, ранние формы брака и семьи, возрастно-половое расчленение, организация власти, обычное право доклассовой эпохи и пр. – все это стало доступным нашему пониманию только потому, что пережитки этих явлений сохранились у народов Австралии, Америки, Африки вплоть до наших дней»⁴⁰.

Таким образом, научный статус археолога, этнографа, историка первобытного общества незаметно перетекал один в другой в связи со сложившейся в советской науке парадигмой и систематикой наук. Так, В. Н. Станко впоследствии считал и называл себя этнологом, в первую очередь, в связи со своими интересами как праисторика, а не теми этнологическими проблемами, которые вышли на первый план с 1990-х годов.

Среди праисторическо-этнологической проблематики, которая была предметом научных интересов Владимира Никифоровича, следует назвать: формы присваивающего хозяйства, условия возникновения производящего хозяйства и возникновение скотовод-

ства, проблема политогенеза – зарождения и развития форм власти в первобытном обществе, ранние формы религии (культ бизона), развитие форм семьи и социальной организации в первобытности, этнодемографический процесс в первобытности, возникновение письма, формирование понятия родины, первобытное искусство. Другой стороной его прямого научного интереса, в котором пересекалась проблематика обеих наук это – реконструкция этнокультурного процесса в Северном Причерноморье в верхнем палеолите – мезолите⁴¹. Здесь нет возможности и необходимости останавливаться на взглядах В. Н. Станко на все перечисленные проблемы, это – предмет специального исследования. Отмечу немногие моменты. Так, Владимир Никифорович отстаивал взгляд на первичность парной семьи, что, по его мнению, доказывалось формами жилища первобытных людей. Резко выступал против концепции матриархата, считая, в частности, что в разных обществах первичным мог быть и материнский, и отцовский род. Считал, что родовая организация не играла значительной роли в жизни первобытного общества, а основной социальной ячейкой была территориальная община.

Следующий момент – крайняя централизация системы этнографической науки в Советском Союзе. Это в полной мере касалось и университетских центров. В начале 1990-х годов в СССР было только семь кафедр в названиях которых присутствовало слово «этнография». Из них только одна, созданная в 1989 г., на Украине – кафедра археологии, этнографии и музееведения Киевского университета. Естественно, что, будучи талантливым организатором науки, создавшим в ходе своей жизни не одно научное подразделение, В. Н. Станко ощущал необходимость создания этнографической школы на юге Украины и оформления ее организационного центра в виде кафедры, частью задач которой было бы изучение этнографии народов Одесщины. Кафедра археологии и этнологии Украины Одесского университета стала одной из первых (и одной из немногих) кафедр в стране, где началась подготовка специалистов-этнологов.

Что касается общественных причин формирования этнологии в Одессе в контексте деятельности В. Н. Станко, то они связаны с процессом культурного и общественно-политического возрождения национальных меньшинств, начавшегося в СССР в конце 1980-х годов и затронувшего, в частности, достаточно многочисленную болгарскую диаспору. В отличие от титульных народов союзных республик и автономных образований, болгары, компактно расселенные в ряде регионов Украины, не имели никаких форм автономии или самоорганизации. В 1991 г. был проведен первый и последний съезд болгар СССР, болгарской общественностью выдвигались политические требования, в том числе – создание национальной автономии⁴², начали проводиться научные конференции, посвященные болгаристической проблематике, одним словом, в обществе возникла востребованность и в научном изучении народа, обделенного в прошлом исследовательским вниманием. Здесь на первый план вышла этническая элита, не мог стоять в стороне от этого процесса и такой известный представитель болгарского народа, профессор-гуманитарий, как Владимир Никифорович Станко.

В. Н. Станко не был склонен по своему темпераменту и мировоззрению к политической деятельности, ему импонировала роль общественного судьи, эксперта, старейшины, который своим мнением и авторитетом оценивал бы действия политиков и участвовал бы в выработке стратегии общественного развития. Поэтому, участвуя в деятельности болгарских общественных организаций, он обычно находился несколько в стороне от непосредственного участия в решении наиболее острых, дискуссионных проблем болгарской диаспоры. Тем не менее, прежде всего, посредством своей научной деятельности, организацией и содействием различным проектам, В. Н. Станко принимал участие и в болгарском возрождении на Украине, которое, в свою очередь, способствовало развитию этнологических интересов ученого.

В контексте этой деятельности В. Н. Станко создает в 1995 г. и до своей смерти бесценно возглавляет Одесское научное общество болгаристов, входящее составной частью во Всеукраинскую болгарскую ассоциацию⁴³. Он являлся ответственным редактором органа этого общества – научного ежегодника «Одесская болгаристика», который за 2003-2006 гг. увидел свет трижды⁴⁴. Был одним из основных организаторов двух крупных международных конференций, посвященных проблемам болгаристики – «Международной конференции, посвященной 120-летию освобождения Болгарии от османского ига»⁴⁵ и очередной конференции «Болгары в Северном Причерноморье»⁴⁶ (предыдущие проводились в Велико Тырново, в Болгарии).

Первая серьезная попытка включения этнологии в парадигму исторической науки в Одессе связана с именем Юрия Григорьевича Розуменко. Будучи воспитанником исторического факультета Одесского университета этот исследователь работал в краеведческом музее, где, в частности, собирал в ходе экспедиционных поездок предметы быта народов Украины. Ю. Г. Розуменко – автор ряда статей по этнографии Южной Украины музееведческой и историографической направленности⁴⁷. Завершив аспирантуру в Институте искусствоведения, фольклора и этнографии им. М. Ф. Рильского АН УССР (г. Киев), он 10 декабря 1986 г. защитил кандидатскую диссертацию по специальности «этнография» в Институте искусствоведения, этнографии и фольклора АН Белорусской ССР⁴⁸. Однако вскоре Ю. Г. Розуменко нелепо и трагически погибает в Николаеве и научное направление, начатое им, имело продолжение только через несколько лет.

Хотя прямого отношения к защите Ю. Г. Розуменко В. Н. Станко не имел, его научным руководителем был кандидат философских наук Б. В. Попов, но в качестве первого официального оппонента выступил близкий друг Владимира Никифоровича, учившийся с ним в одни годы в аспирантуре в Киеве, известный украинский этнолог Всеволод Иванович Наулко. В. Н. Станко тепло отзывался о Ю. Г. Розуменко, высоко ценил как исследователя и считал его своим учеником.

Каковы были формы сотрудничества и общения этих людей мне остается неизвестным, так как я оказался в стенах Одесского университета уже после смерти Ю. Г. Розуменко, но роль В. Н. Станко в становлении первого в Одессе исследователя, имевшего ученую степень по специальности «этнография» подтверждается содержанием подписи Ю. Г. Розуменко на экземпляре автореферата своей диссертации, подаренном Владимиру Никифоровичу, а впоследствии передаренном последним мне (см. рис. 2).

Непосредственно же зарождение этнологии и этнологической болгаристики в Одесском университете произошло на рубеже 1980-1990-х годов. Этот процесс кратко освящен в одной из моих предыдущих публикаций⁴⁹. Будучи студентом 3-его курса исторического факультета я получил предложение от Владимира Никифоровича заняться изучением системы родства болгар Украины. Отмечу, что на 1-ом курсе я под руководством В. Н. Станко подготовил и успешно защитил курсовую работу на тему «Возникновение идеологических

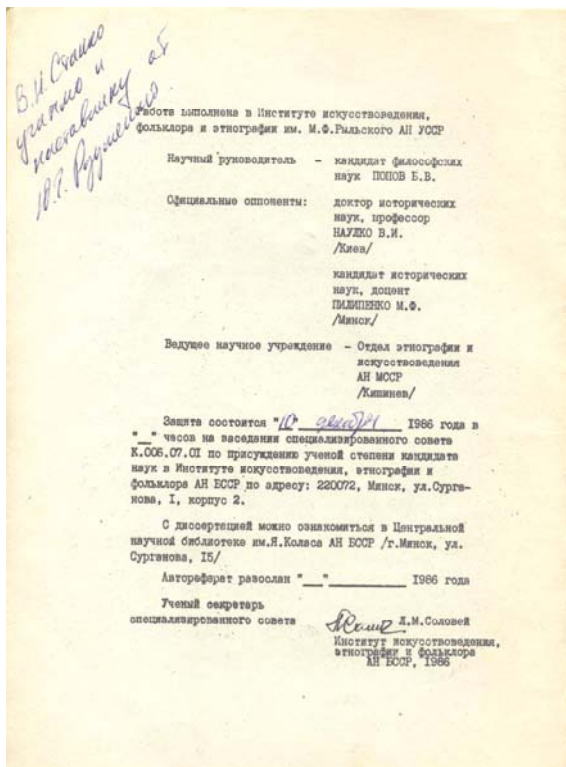

Рис. 2. Подпись Ю. Г. Розуменко автореферата, подаренного В. Н. Станко

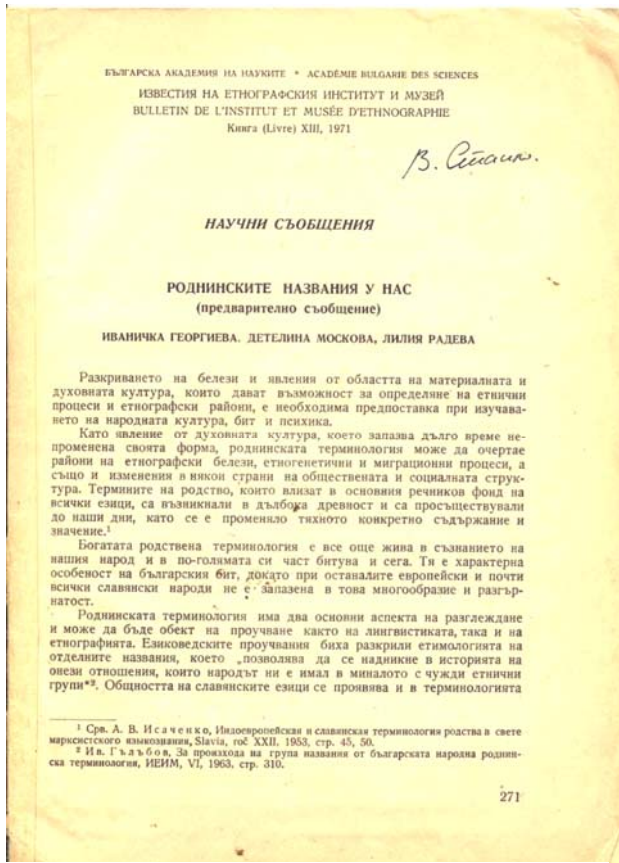

Рис. 3. Первая страница отдельного оттиска статьи И. Георгиевой, Д. Московской, Л. Радевой

Летом этого же года В. Н. Станко добился выделения средств обществом охраны памятников для командирования меня в район компактного расселения болгар на юг Одесской области с целью сбора материала по этой же теме. Первые результаты

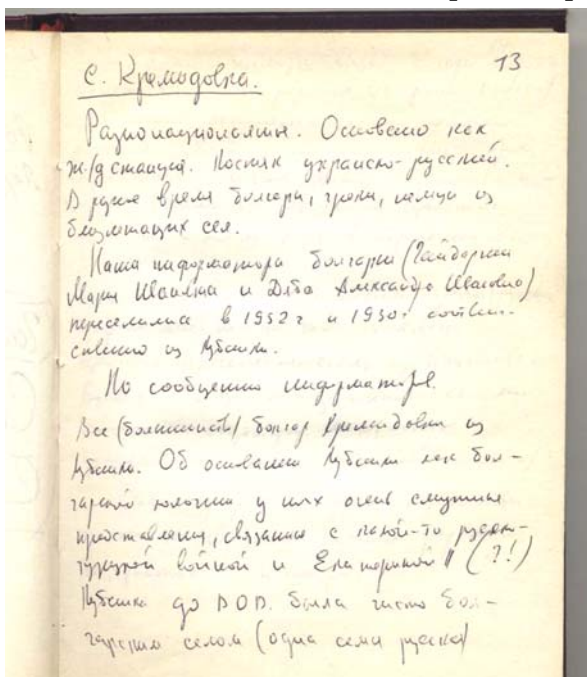

Рис. 4. Запись В. Н. Станко в этнографическом дневнике

представлений». При этом он подарил мне несколько отдельных оттисков сообщений и статей болгарских исследователей, изучавших эту проблему у населения метрополии: Иванички Георгиевой, Лилии Радевой, Детелины Московской, подаренных ему, в свою очередь, этими учеными (рис. 3). Он предложил воспользоваться методикой, разработанной в Болгарии, собрать полевые материалы у болгар СССР и написать исследование на эту тему. В. Н. Станко вспоминал, что этой темой у него некогда занималась его студентка – болгарка Акулина Тодорова (в замужестве – Федоренко), но после завершения обучения она вышла замуж и бросила научные занятия.

В. Н. Станко объяснил мне методику полевой работы этнографа, как он ее понимал, подарил мне блокнот для полевого дневника, а 24 февраля 1991 г. совершил по собственной инициативе со мной поездку в Кремидовку для сбора материала у болгар этого села. Сохранились его записи в этом дневнике по результатам нашей однодневной поездки (рис. 4-5).

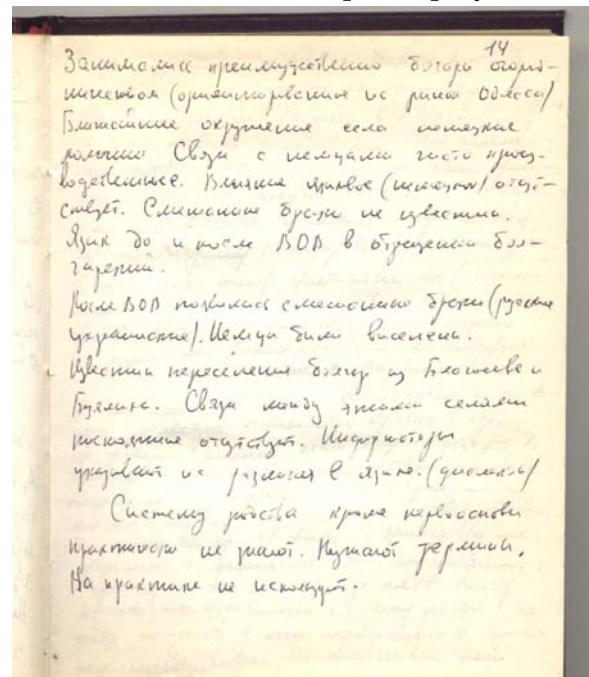

Рис. 5. Запись В. Н. Станко в этнографическом дневнике (продолжение)

эмпирических исследований, представленные мной в рукописном виде, были обнародованы самим Владимиром Никифоровичем уже в начале февраля 1991 г. на 2-х Дриновских чтениях в Харькове⁵⁰. Так было положено начало этнологической болгаристике в Одесском университете. Вскоре и некоторые другие студенты стали заниматься разработкой различных проблем этнографической науки.

В последнее время появились «откровения» о том, что «ідея про сучасні етнологічні дослідження Степової України» зародилась «у складі загону археологічної експедиції в Анетівці», «і там же були створені та апробовані перші методики»⁵¹. В этом случае не может не вызывать удивления, почему «этнологические исследования» многие годы реализовывались у автора вышеприведенных строк лишь в виде изучения комсомольского движения в Одессе.

Необходимость полевого метода – еще одна особенность, которая объединяет познавательный процесс в археологии и этнологии. В. Н. Станко был истинным полевиком, любителем путешествий, лишений, которые с ними связаны, приключений. Вспоминается, что когда кто-то из тогдашних руководителей одного из южных районов Одесской области в разговоре со мной – студентом, на котором присутствовал и В. Н. Станко, предложил предоставить мне автомобиль и проводника для объезда болгарских сел, ученый категорически запретил это делать, заметив, что когда он был молодым, то пережил все трудности полевой работы, что во многом и сформировало его как исследователя, это же, по его мнению, должен был пройти и я. В другой раз он рассказывал, что когда в одном из годов его работы в университете его вызвали с «поля» в Одессу для приема вступительных экзаменов, отвлекая от любимой работы, он практически всем абитуриентам поставил неудовлетворительные оценки. После этого случая В. Н. Станко больше никогда не отвлекали от проведения летней практики. Ученый считал, что в основе любого вывода должен быть лежать эмпирический факт, отвергая ценность априорно-дедуктивного метода.

Надо сказать, что в подготовке появившихся позднее статей, посвященных этнографическому изучению болгар Украины в Одесской области, опубликованных в соавторстве: В. Н. Станко и А. В. Шабашова⁵², Владимир Никифорович играл роль, прежде всего, редактора и вдохновителя. Непосредственно этнологическими исследованиями он не занимался. Он ограничивался тем, что следил за развитием этнологии на историческом факультете, помогал советами, но решающий его вклад на первом этапе становления этнологии в Одессе заключался в организации инфраструктуры этой науки. Кроме вышесказанного, им была создана лаборатория археологии и этнографии степной Украины, кафедра археологии и этнографии (позднее – этнологии) Украины, открыта специализация, а затем и специальность «этнология», он был научным руководителем нескольких кандидатских диссертаций, непосредственно или отчасти касающихся этнографии народов Южной Украины, был ответственным редактором ряда этнографических изданий⁵³.

В последние годы жизни В. Н. Станко включился в проект по изучению греков Северного Причерноморья. На интерес к этой проблеме повлияли греческие корни матери В. Н. Станко, а, возможно, косвенно, и интерес ученого к античной археологии и истории, в которых он неплохо разбирался. Отметим, что своего младшего сына – Максима – Владимир Никифорович сориентировал на изучение греческой эпиграфики, направил его для обучения в Грецию, сам не раз бывал в этой стране.

Кроме прочего, на историческом факультете Одесского университета В. Н. Станко в разные годы читал курсы «Основы этнографии», «Этнология», этнографические материалы широко использовал при чтении курсов «История первобытного общества», «Политогенез древнего населения Украины» и др.

Вместе с тем, место В. Н. Станко в развитии этнологии в Одессе (как и саму его личность) нельзя охарактеризовать с помощью только одной гаммы красок. При безусловно решающей его роли в процессе создания инфраструктуры этой науки в Одессе, по моему мнению, были и негативные моменты, связанные с его деятельностью. Наряду с серьезными и глубокими исследованиями, вводящими новый эмпирический материал и новые подходы к исследованию народов Северного Причерноморья, под непосредственным руководством В. Н. Станко или с его негласного согласия выходили и работы, носящие откровенно конъюнктурный характер, а то и попросту непрофессиональные и безграмотные. Сам факт развития научных подразделений зачастую был для него важнее, чем качество проводимых в его стенах исследований, количество подготовленных специалистов – важнее уровня их профессиональной подготовки, личные отношения – важнее поиска истины.

Подводя итоги, можно сказать, что долгие годы этнология непосредственно входила в круг профессиональных интересов В. Н. Станко. Ряд проблем истории первобытного общества, в исследование которых он внес существенный вклад, является в англо-американской традиции предметом социокультурной антропологии. В. Н. Станко сыграл решающую роль в создании инфраструктуры этнологии в Одессе, до него не имевшую здесь должного развития. Практически все научные кадры этнологов в Одессе либо являются прямыми учениками Владимира Никифоровича, либо в своем становлении как исследователи испытали огромное влияние с его стороны. Владимир Никифорович Станко, будучи всемирно известным археологом и историком первобытного общества, навсегда вписал свое имя и в историю развития этнологической науки Украины.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Шабашов А. В.* Владимир Никифорович Станко // Видные ученые Одессы. – Вып. 7. – Одесса, 1997. – С. 76-81; *его же.* Жизнь в науке // Времена и годы: (воспоминания ветеранов войны и труда Одесского университета). – Вып. 1. – Одесса, 1998. – С. 123-127; на основе вышеуказанных моих статей было подготовлено поздравление, опубликованное без авторства в журнале «Археологія»: До 60-річчя Володимира Никифоровича Станка // Археологія. – 1997. – № 3. – С. 154-155; с другой стороны, в журнале «Болгаристика и болгаристы» вышла заметка за подписью А. В. Шабашова и А. А. Пригарина, к которой я непосредственного отношения не имею: *Пригарин А. А., Шабашов А. В.* Владимир Никифорович Станко // Болгаристика и болгаристи. – 1997. – № 3. – С. 3-6.

2. *Занетов Г.* Българските колонии в Русия. 2. Земледельческие колонии в Херсонской и Таврической губернии // ПСП. – 1892. – Кн. 39. – С. 381.

3. *Скальковский А.* Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1731-1825. – Ч. 2. – Одесса, 1838. – С. 35-37; Атлас болгарских говоров в СССР. – Ч. 1. – М., 1958. – С. 10-11; *Грек И., Червенков Н.* Българите от Украйна и Молдова. Минало и настояще. – София, 1993. – С. 11; *Шабашов А. В.* Ойконимия болгарских населенных пунктов Юга Украины (Одесская, Кировоградская, Николаевская области) // Българска Бесарабия. – Вып. 1. – Болград, 1999. – С. 67, 94, 109-110, 114, 117-118.

4. *Кветко С. І.* Весільні звичаї і пісні у болгар на Херсонщині. (Село Тернівка на Миколаївщині) // ВОКК. – Ч. 2/3. – Одеса, 1925. – С. 217.

5. ГАОО. – Ф. 252. – Оп. 1. – Ед. хр. 998. – Л. 1-13.

6. Там же.

7. *Кветко С. І.* Вказ. праця. – С. 217.

8. Там само. – С. 217-218.

9. Атлас болгарских говоров в СССР. – Ч. 1. – М., 1958. – С. 39-40.

10. *Кветко С. І.* Вказ. праця. – С. 217.

11. Български диалектен атлас. – Т 1. Югоизточна България. – Ч. 2. – София, 1964. – С. 15-16.
12. Атлас болгарских говоров в СССР. – С. 40; *Стойков С.* Образуване на бъдеще време (футурум) в съвремения български език //Езиковедско-етнографски изследвания в памет на академик Стоян Романски. – София, 1960. – С. 239-257.
13. *Шабашов А. В., Шабашова Ю. О.* Система родства у болгар Южной Украины (по материалам Одесской и Николаевской областей) //БЕЖ. – 1994. – Т. 1. – С. 167, рис. 10 на с. 179; *Шабашов А. В.* Терминология родства болгар Украины //ЗІФ. – 1996. – Вып. 3. – С. 73, 77.
14. Български диалектен атлас. – С. 16.
15. «Нелишне узнать из первоисточника» (С бывшим заместителем директора Института этнографии С. И. Бруком беседует В. А. Тишков) //ЭО. – 1995. – № 1. – С. 96-97.
16. Български диалектен атлас. – С. 16; *Нейков Б.* Факийско предание. Сборки от народния живот. – София, 1985. – С. 17.
17. Български диалектен атлас. – С. 17.
18. *Шабашов А. В.* До реконструкції типології сім'ї болгар і гагаузів Південної Бессарабії у 10-х – 60-х роках ХІХ ст. 1. Постановка проблеми. Загальна типологія родини //ЗІФ. – 2002. – Вып. 12. – С. 104-106.
19. *Шабашов А. В.* Сергей Ильич Цветко: судьба и творческий путь этнолога и фольклориста болгарского населения Украины //Проблемы славяноведения. Сборник научных статей и материалов. – Вып. 1. – Брянск, 2000. – С. 114-123.
20. *Цветко С.* Български народни песни от Украина и Крым. – София, 2005.
21. *Барболова З.* Няколко думи за Сергей Цветко //Цветко С. Български народни песни от Украина и Крым. – С. 148-150.
22. *Цветко С. І.* Пісні болгар України і Криму //АІМФЕ. – Ф. 7-2. – Д. 11.
23. Там само.
24. Там само.
25. Там само.
26. *Горбань І.* Сергій Цветко (1884-?) //НЗ. – 1996. – № 4. – С. 266-268; *її ж.* Фольклор і фольклористика болгар в Україні. – Львів, 2004. – С. 129-135; *Шабашов А. В.* Сергей Ильич Цветко...; *Ласинська М. Ю.* Сергій Ілліч Цветко: життя і діяльність етнолога, краєзнавця //Науковий вісник Миколаївського державного університету. – 2005. – Вып. 11. Историчні науки. Збірник наукових праць. – С. 249-253.
27. *Кветко С. І.* Хайдутські болгарські пісні с. Тернівка на Миколаївщині //ВОКК. – Ч. 1. – Одеса, 1925. – С. 22-23; *його ж.* Юнацькі і хайдутські пісні у болгар //ЕВ. – 1926. – Кн. 3; *його ж.* Варіанти до юнацьких і гайдуцьких пісень (с. Тернівка) //АІМФЕ. – Ф. 1-4. – Д. 247. – Л. 13.
28. *Кветко С. І.* Весільні звичаї і пісні у болгар на Херсонщині. – С. 217-238.
29. *Цветко С. І.* Сидянки та меджії //АІМФЕ. – Ф. 1-4. – Д. 247. – Л. 1-12.
30. *Цветко С.* Хороба «Урама» та її лікування в болгарській народній медицині //ЕВ. – 1932. – Кн. 10. – С. 107-122; *його ж.* Замови проти різних хороб у болгар, записані в Тернівці на Миколаївщині. 1926 //АІМФЕ. – Ф. 1-4. – Д. 246 (первые страницы в рукописи отсутствуют); *Ласинская М. Ю.* также упоминает, не указывая выходных данных, работу: «Замови, записані зі слів знахарок баби Степаниши Генової і Марії Коч (1925)».
31. *Цветко С.* Български народни песни от Украина и Крым.
32. *Цветко С. І.* Генеза мотиву крилатого змія в болгарських народних піснях //ЕВ. – 1930. – Кн. 9. – С. 3-30; По *Горбань І.*, также в: АІМФЕ. – Ф. 1-4. – Д. 140.
33. *Цветко С. І.* Символічні речі й обряди в болгарському весіллі в порівнянні з українським //ЕВ. – 1928. – Кн. 6. – С. 1-15.
34. *Цветко С. И.* Славянские обряды и празднества сбора урожая в их историческом развитии //Рукописный фонд библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Санкт-Петербург). – Ф. 1006. – 415-417.

35. *Цветко С. І.* Болгарський варстат //Матеріали до етнології. – 1929. – № 2. – С. 89-103.
36. *Цветко С. І.* Огляд літератури про болгарські колонії на Україні, в Криму та Бесарабії (1929) //ІР НАНУ. – Ф. 10. – Од. зб. 1066 и 22971.
37. *Волков Р. М.* Звіт про діяльність секції етнографічно-діалектологічної //ВОКК. – Ч. 2/3. – Одеса, 1925. – С. 167-168.
38. Там само. – С. 166-167.
39. *Шабашов А. В.* Етнологічна болгаристика в Одеському (Новоросійському) університеті: уроки і перспективи //ЗІФ. – 2007. – Вип. 16. – С. 37-38.
40. Основы этнографии /Под. ред. С. А. Токарева. – М., 1968. – С. 15.
41. *Радзиховская Е. А. В. Н.* Станко как исследователь этнокультурного процесса в первобытности в Северном Причерноморье //Настоящее издание. – С. 381-384.
42. Всеукраинской болгарской ассоциации – 10 лет. – Одесса, 2003. – С. 39-47.
43. Там же. – С. 199-200.
44. Одеська болгаристика: Науковий щорічник Одеського наукового товариства болгаристів. – 2003-2006. – № 1-4.
45. Україна і Болгарія: віхи історичної дружби (матеріали міжнародної конференції, присвяченої 120-річчю визволення Болгарії від османського іга) /Редагування і вступне слово – В. Н. Станко. – Одеса, 1999.
46. Българите в Северното Причерноморие: Изследвания и материали. – Т. 9. – Одесса, 2006.
47. *Розуменко Ю. Г.* Етнографічні джерела другої половини ХІХ століття у фондах Одеського обласного державного архіву //НТЕ. – 1984. – № 1; *его же.* Изучение народо-населения Юга Украины и задачи научно-пропагандистской деятельности областных историко-краеведческих музеев //Музей и этнографические проблемы современности. Тезисы докладов научно-практической конференции Государственного музея этнографии народов СССР. – Секция 1. – Ленинград, 1984; *его же.* Задачи изучения и формы музейного показа памятников народной архитектуры на Юге Украины //Музей народной архитектуры и быта, принципы создания, проблемы развития в свете постановления ЦК КПСС «Об улучшении идейно-воспитательной работы музеев». Тезисы докладов (6-7 сентября 1984 г., г. Киев). – К., 1984; *його ж.* Етнографічне вивчення півдня України у ХІХ ст. (На матеріалах архіву Географічного товариства СРСР) //НТЕ. – 1985. – № 4; *його ж.* Матеріали по етнографії Поділля другої половини ХІХ – першої половини ХХ ст. в архівах, музеях Ленінграду та Одеси //Проблеми етнографії Поділля. Тези доповідей наукової конференції. – Кам'янець-Подільський, 1986; *его же.* Задачи этнографического музееведения //Изучение памятников фольклора и этнографии. – Вип. 1. – Одесса, 1986.
48. *Розуменко Ю. Г.* Этнографическое изучение населения Юга Украины в ХІХ – начале ХХ века. Автореф. дис... канд. ист. наук. – Минск, 1986.
49. *Шабашов А. В.* Етнологічна болгаристика в Одеському (Новоросійському) університеті... – С. 39-41.
50. *Станко В. Н.* Изучение системы кровного родства у болгар Южной Украины //Болгаристика в системе общественных наук: опыт, уроки, перспективы. 2-ые Дриновские чтения. – Харьков, 1991. – С. 150-151.
51. *Марченко О. М., Пригарін О. А.* Історико-етнографічне вивчення Степового Побужжя як складової Півдня України у ХІХ-ХХ ст. //Наукові праці: Науково-методичний журнал. – Т. 96. Вип. 83. Історичні науки. Присвячується пам'яті В. Н. Станко (1937-2008), археолога, історика, етнолога, доктора історичних наук, професора, академіка. – Миколаїв, 2008. – С. 124.
52. *Станко В. Н., Шабашов А. В.* Этнографическое изучение болгар Южной Украины в Одесском университете: методика и направление исследований //ЗІФ. – 1996. – Вип. 3; *их же.* Етнографічне вивчення болгар в Одеському університеті: методика і напрямки досліджень //БЕ. – 1996. – Год. ХХІІ. – Кн. 2; *их же.* Етно-логічна болгаристика в Одеському університеті //Україна і Болгарія: віхи історичної дружби (матеріали міжнародної конференції, присвяченої 120-річчю визволення Болгарії від османського іга). – Одеса, 1999.
53. Список соответствующих работ см.: *Агбунов М. В., Дзиговський О. Н., Шабашов А.В.* Володимир Никифорович Станко //Настоящее издание. – С. 337-339.